

Чем дальше они продвигались на запад, тем сильнее ощущался приход осени по календарю, но погода становилась всё жарче. Четверо путников впервые оказались в этих краях. До главного пика оставалось ещё два-три дня пути, а они уже едва могли открыть глаза от изнуряющего зноя. Фэн Цяньсюэ достал ледяные жемчужины и раздал всем. Се Жэнь, закашлявшись от густого дыма, обратился к Ли Хуаню:

— И как твоему дядюшке угрожало выбрать такую «райскую обитель»?

— Он всегда такой: чем опаснее место, тем усерднее клан Ли пытается занять его первым. — Ли Хуань проглотил ледяную жемчужину. — Пик Хоянь простирается на многие ли вокруг, а внутри изрыт бесчисленными пещерами и подземными гrotтами. Дальше нам нужно быть предельно осторожными.

Мо Чи остановился в воздухе, балансируя на мече:

— В такой глухомани не то что одна голова Цзюина — сам Цзюин со всеми девятью головами, свались он сюда, в мгновение ока обуглился бы. Как тут вообще можно воскреснуть? Похоже, мы зря сюда тащились.

— Твоими бы словами, — откликнулся Се Жэнь. — Хотя, по-моему, хоть дядюшка Ли и не упомянул Цзюина в письме, он уже довольно долго пробыл на пике Хоянь во главе учеников и к тому же специально призвал Ли Хуаня. Наверняка у него есть какие-то находки. Иначе какой дурак добровольно станет мучиться в этой жаре и дыму?

Фэн Цяньсюэ спросил:

— Где сейчас находятся ученики клана Ли?

— В полдень я запустил сигнальную ракету. Дядюшка увидит её и пришлёт кого-нибудь встретить нас, — ответил Ли Хуань. — Не будем уходить далеко. Найдем поблизости место для отдыха, думаю, к вечеру за нами придут.

Фэн Цяньсюэ кивнул. Из мешочка цянькунь он извлек ровно двенадцать бесценных мечей высшего уровня, выстроил их в ровную линию прямо в воздухе, затем достал целую огромную кровать и надёжно водрузил её сверху. Напоследок он накрыл всё это прозрачным ледяным куполом:

— Заходите, садитесь. Внутри прохладно.

Ли Хуань: «...»

Мо Чи: «...»

Когда в мире заклинателей заходит речь о неслыханной роскоши и разнузданной изнеженности, первым делом обычно вспоминают клан Ци.

Но сейчас... что тут скажешь? Клан Ци откровенно оклеветали.

Стоило установить большую кровать и купол, как вокруг мгновенно воцарилась приятная прохлада. К счастью, пик Хоянь был лишь голым сожженным хребтом. Будь здесь какой-нибудь разумный злой дух, он от одного вида этой четвёрки, прохлаждающейся в тени, лопнул бы от злости и явил свой истинный облик — настолько это выглядело оскорбительно.

Ли Хуань и Мо Чи склонились над картой. Впрочем, картой это назвать было трудно: просто схема сотен охваченных огнем гор, разглядеть на которой что-то дельное не удавалось. Фэн Цяньсюэ медитировал рядом с закрытыми глазами. От природы у него было холодное телосложение, и он почти никогда не потел, однако сейчас пряди на его лбу слегка влажнели. Се Жэнь удивился и с заботой спросил:

— Тебе не по себе?

— Жарко.

— Отчего же жарко?

— Оттого что ты сидишь слишком близко ко мне.

— ...

Младший господин Се сознательно отсел подальше. Со скуки он подпёр щеку рукой и уставился на море огня внизу. Слишком долгое созерцание навеяло на него дремоту, и он прислонился к плечу приятеля:

— Посплю немного.

Ли Хуань поразился:

— Ты даже в таком месте способен уснуть?

Се Жэнь зевнул. Что ты понимаешь? Именно в такой глуши и остается только спать, иначе развлечений тут всё равно не найти.

Ли Хуань ткнул его локтем:

— А-Жэнь, попробуй накрыть огонь внизу своим Пламенем красного лотоса.

Се Жэнь приподнял веки:

— Могу, но с какой стати мне перед тобой распяливаться?

Ли Хуань уже прекрасно знал уязвимое место друга и громко выкрикнул:

— А может, брату Фэну тоже хочется посмотреть, а?

Фэн Цяньсюэ открыл глаза:

— Хочется.

Ли Хуань торжествовал:

— Слышал? Живее!

Се Жэню пришлось расстаться с мыслью о сне. Он обнажил меч Сяояо и вонзил снопом огня прямо в горный кряж. И впрямь, мгновение спустя море пламени внизу застлал красный лотос, огненные языки взвились на два-три чжана и со свистом помчались вдаль.

Мо Чи поцокал языком:

— Жаль, что ты не остался здесь и не объявил себя горным царём.

Се Жэнь терпеливо поправил его:

— Оказаться здесь — это называется не стать царём, а стать вяленным мясом. Не будь этого купола, тебя бы уже до костей прокоптило, хоть сейчас к новогоднему столу подавай.

— Пошел ты! — со смехом отругался Мо Чи и собирался снова вернуться к карте, как вдруг кровать резко задрожала. Се Жэнь схватил Фэн Цяньсюэ за руку: — Осторожно.

Не успели слова сорваться с его губ, как в воздух взмыла огромная длиннохвостая огненная птица. Она расправила крылья, а пылающее на её спине пламя казалось тяжелым, словно полугора. Всюду, куда падал её золото-алый взор, вспыхивали призрачные синие молнии! Мо Чи испуганно отшатнулся:

— Похоже, мы помешали ей совершать нирвану.

— Не страшно, — произнес Фэн Цяньсюэ. — Это благородная птица, несущая удачу. У неё нет намерения нападать на нас.

Он достал прозрачный нефритовый кубок, налил полчаши цветочного нектара, который обычно пил сам, и преподнес на ладонях. И впрямь, огненный феникс приблизился, чтобы отпить. Его миндалевидные глаза были узкими, а шея склонилась с поразительным изяществом. Се Жэнь завороченно пробормотал:

— Недаром огненный феникс — царь всех птиц, до чего красив.

Говоря это, он протянул руку, желая погладить птицу, но встретил предостерегающий взгляд Фэн Цяньсюэ. Се Жэнь благоразумно убрал руку и со смешком прошептал:

— Ну не-е-ет, А-Сюэ, ты даже к птице ревнуешь?

Фэн Цяньсюэ отозвался:

— Если только ты не хочешь лишиться рук.

Се Жэнь тут же послушно сбавил тон:

— Ладно-ладно, не буду трогать. Какой ты суровый, из-за такой мелочи готов переломать мне руки.

Ли Хуань не расслышал первую фразу про ревность, но услышал про переломанные руки и решил пояснить:

— Думаю, брат Фэн имел в виду, что огненный феникс отключает тебе руки.

Се Жэнь подумал про себя: «Да знаю я прекрасно! Но я же это ради... Эх, да что объяснять, всё равно не поймёшь. Ах, что за штука эта любовь...»

Фэн Цяньсюэ не стал обращать внимания на младшего господина Се, который раскачивался из стороны в сторону, охваченный поэтическим порывом. Проследив взглядом за удаляющимся фениксом, он сказал:

— Твоё Пламя красного лотоса, напротив, помогло ему пройти нирвану.

— Вот как? — Се Жэнь поднял бровь. — Что-то не слышно спасибо.

Едва он это проговорил, как огненный феникс у самого края неба легко повернулся в воздухе. Его прекрасный длинный хвост сверкнул, словно падающая звезда, и небо осыпалось снопом искр.

Фэн Цяньсюэ улыбнулся:

— Вот теперь он поблагодарил тебя. Танец огненного феникса в поднебесье — добрый знак.

— Надеюсь, мы покончим со всем быстро, — Се Жэнь обнял его за плечи и принялся перечислять, загибая пальцы. — Девять голов... Город Чанье, город Ую, море Байша и этот пик Хоянь — четыре головы нашли мы сами. Голову на утесе Сюэцзю, полагаю, забрали заклинатели праведных кланов. У клана Ци много людей, с городом Юаньбай они справятся без проблем. Дворец Луаньйюй в городе Нухао... будем считать, что и они доведут дело до конца.

А уж заберет ли её потом Хэ Гуй — тут каждый сам за себя.

Ли Хуань подсчитал:

— Выходит, уже семь голов Цзюина.

Из оставшихся двух одна сбежала на море Байша и неизвестно где скрывается. А вторая по логике должна быть в Северных землях, ведь в летописях записано, что владыка Яоцюэ погиб вместе с Цзюином. Впрочем, в тех же летописях сказано, что напоследок владыка Яоцюэ вложил дух в меч и отрубленная голова чудовища отлетела на восемьдесят тысяч ли. Восемьдесят тысяч ли — это, конечно, преувеличение, но тогда в городе Линьдун действительно не нашли голову Цзюина, лишь обугленный обезглавленный скелет.

Мо Чи заметил:

— После того как владыка был погребен в городе Линьдун, там круглый год метет снег. Прошло уже больше тысячи лет, и теперь не то что голову — точное местонахождение самого города восстановить невозможно. Известно лишь, что он в Северных землях, но Северные земли огромны, да еще и бушуют бранные метели. Задача кажется невыполнимой.

Се Жэнь бросил взгляд на стоящего рядом спутника: «Твой брат наверняка сможет его найти? Не зря же говорят, что в городе Линьдун засиял Цзиньгуан».

Фэн Цяньсюэ едва заметно кивнул.

Се Жэнь был крайне рад такому взаимопониманию без слов и снова поднял руку, чтобы стереть пот с его лба:

— Всё ещё не по себе? Я ведь уже так далеко от тебя сел.

Ли Хуань не смог сдержать недоумения:

— Ты называешь «далеко» положение, когда вы буквально прижались друг к другу?

Фэн Цяньсюэ отвернулся, тихо улыбаясь. Рука Се Жэня замерла; он подумал, что его так называемый друг слишком уж много болтает.

Четверо ждали еще почти один шичень. Только когда солнце зашло за горизонт, издалека на

мече прилетела фигура. Она была облачена в серо-фиолетовое одеяние, черты лица суровые и простые — пресные, будто миска лапши без единой капли тепла. Лицо её казалось немного изможденным и холодным.

Ли Хуань не ожидал, что Ли Юнь прибудет лично, и мгновенно принял почтительную позу, отвесив поклон:

— Тётушка.

Ли Юнь держала в руках зеркало Чжаохунь. Она направила свет сначала на четверых, затем на себя. Фэн Цяньсюэ сказал:

— Господин Ли проявляет такую осторожность, похоже, на пике Хоянь что-то произошло.

Ли Хуань спросил вслед:

— А где остальные наши?

Ли Юнь бросила на него колкий взгляд:

— А что, мне нужно было собрать оркестр из трехсот барабанщиков и гонгов, чтобы встретить тебя, молодой господин?

Се Жэнь и Мо Чи мгновенно закрыли рты.

Фэн Цяньсюэ: «...»

У Ли Хуаня дух перехватило от обиды, но возразить громко он не смел, лишь пробормотал:

— Я же просто забочусь о тётушке.

<http://bllate.org/book/18374/1766344>